

С. Б. Попова

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ КАЧЕСТВЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
В ФУНКЦИИ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИЧНОСТИ

Описывается синтаксическая модель приименного родительного падежа качественной оценки с точки зрения выполнения функций типологизации личности. Обосновывается, что в зависимости от значения существительного, занимающего позицию несогласованного определения, актуализируются две разновидности лингвокультурного типажа. Если семантика определяющего слова относится к области нравственных или поведенческих характеристик (человек слова, *man of success*, *człowiek honoru*), актуализируется модель этнокультурного типажа. Если же в значении слова содержится указание на темпоральную, локативную или профессиональную принадлежность человека (человек эпохи, дети улицы, люди моря), актуализируется модель лингвокультурного типажа социокультурной значимости.

15

This paper describes the syntactic model termed as the adnominal genitive of quality, as well as its use in the archetypisation of a person. It is argued that the semantics of a noun functioning as an adnominal attribute produces two types of cultural-linguistic archetypes. An attribute noun referring to a sphere of moral or behavioural characteristics ('человек слова', 'man of success', 'człowiek honoru') is associated with the model of the ethnocultural archetype; a meaning relating to a period of life, locality or occupation ('человек эпохи', 'дети улицы', 'люди моря'), with that of the cultural-linguistic sociotype.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, этнокультурный типаж, приименный генитив качества, родительный падеж качественного определения.

Keywords: linguocultural archetype, ethnocultural archetype, adnominal genitive of quality, genitive of quality.

Типологизация — удобный и эффективный метод познания, заключающийся в оценке, упорядочивании множества объектов, их идентификации с ограниченным набором соответствующих идеализированных моделей (типов). Он избирается в качестве логического основания проведения различных научных исследований. В современной антропоцентрированной лингвистике центральным объектом типологизации, несомненно, выступает человек, личность. Составляя главный объект научного поиска, в лингвистике человек традиционно рассматривается в двух ипостасях: как определенный тип языковой личности, проявляющейся через специфические навыки коммуникативного поведения, и как лингвокультурный типаж, то есть некое «обобщенное представление о человеке на основе релевантных объективных социально значимых этно- и социоспецифических характеристик поведения людей» [4, с. 39].

Термин лингвокультурный типаж (далее ЛКТ) был предложен в 2005 году В.И. Карасиком, объясняющим полезность использования

данного теоретического конструкта тем, что в нем «акцентируется внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [5, с. 22]. Предложенная ученым концепция исследования ЛКТ сразу стала востребованной. Согласно данным Е.М. Дубровской, «за более чем 10 лет было описано около 100 всевозможных лингвокультурных типажей» [4, с. 39].

Разработка их осуществляется исключительно в плоскости лингвокультурной парадигмы и сводится в основном к выявлению различных лингвокультурных типажей и их классификации. К числу общепринятых классификаций относится деление всех ЛКТ на два основных типа:

- 1) имеющие этнокультурную значимость, то есть те, которые выражают ценности всего сообщества, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса (этнокультурные типажи);
- 2) имеющие социокультурную значимость, то есть те, которые характеризуют особую социальную группу, противопоставленную остальному обществу [5, с. 45].

Не отрицая важности классификационных систематизаций, позволивших выявить и описать такие этноспецифические ЛКТ, как *русский интеллигент*, *русский купец*, *американский супермен*, *английский чудаки* и др., необходимо отметить, что вне фокуса внимания исследователей остаются языковые средства их выражения, в том числе типовые синтаксические модели, в рамках которых актуализируется тот ли иной тип ЛКТ. Выполненный нами анализ показал: кроме традиционно перечисляемых в различных классификациях однословных номинаций (*богема*, *шпана* и т.п.) и субстантивно-атрибутивных сочетаний с согласованным определением (*русский купец*, *английский джентльмен*, *французский буржуа* и пр.), различные виды ЛКТ актуализируются в иных синтаксических моделях. В первую очередь в сочетании двух существительных в конструкции «N им. + N род.», где позицию первого члена занимает субъект (*человек*, реже: *мужчина*, *женщина*, *дитя*, *ребенок* и др.), второго члена — определение, выраженное существительным в родительном падеже. В цели нашего исследования входит анализ семантико-синтаксических характеристик данной синтаксической модели с точки зрения типа реализуемых в них ЛКТ.

Словосочетания типа *человек чести*, *человек слова* в отечественной лингвистике рассматриваются в рамках родительного падежа качественного определения наряду с такими сочетаниями, как *человек большого ума*, *человек высокого роста* и пр. [2, с. 118; 6, с. 74; 7, с. 480]. При этом наибольший интерес как российских, так и зарубежных лингвистов вызывает проблема обязательного присутствия атрибутивной характеристики в сочетаниях типа *человек великого ума*, *мужчина высокого роста*, *люди нелегкой судьбы*. Вопрос о том, почему при наличии сочетаний *человек эпохи*, *человек чести*, сочетания *человек ума* или *человек роста* являются невозможными, решается лингвистами по-разному (см. подробнее: [3; 10; 11; 14]).

Наиболее убедительной нам представляется аргументация М. Новак, доказывающей, что невозможность опущения атрибутивного члена в вышеуказанных генитивных конструкциях обусловлена семантикой существительного, выступающего в роли определения. Обозначение им свойства неотторжимой принадлежности приводит к логической бессмысленности, граничащей с тавтологией: *женщина роста, человек ума* [13, s. 141–143]. Данные свойства подлежат обязательной оценочной параметризации, что и обуславливает облигаторность прилагательных в составе генитивных конструкций. Для нашего исследования небезынтересной представляется также высказанная А. Миновичем идея о принадлежности данных синтаксических образований к типу бахуврихи, под которым в индоевропейской лингвистике принято понимать сложное слово, называющее человека или предмет по характеризующим его признакам [12, s. 76–78]. Примечательно также, что регулярным приемом объяснения предикативного значения данных конструкций выступают синтаксические транспозиции, например *ученый мировой славы – ученый, который имеет мировую славу* и т. п.

Выявление зависимости конкретного типа ЛКТ от конкретной семантико-синтаксической модели было осуществлено нами на материале данных Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Всего было обнаружено более 500 сочетаний, построенных по модели «Человек (другое антропонимическое наименование) + существительное в родительном падеже». Часть примеров была исключена, поскольку представляла собой инверсированные конструкции с атрибутивным определением в постпозиции: *человек ума недюжинного, женщина силы великой, женщина судьбы незавидной* и т. п. Среди выявленных коллокаций значительная часть (38 %) представлена окказиональными авторскими номинациями, например: *человек неправды, человек мысли, человек традиции, люди силы, судьбы* и др. Отдельные авторы специальным образом оговаривали авторский характер осуществленной номинации, указывая на ее окказиональность с помощью метатекстовых операторов: *кавычек («люди воды», человек «момента»)* или заглавных букв (*Человек Человечества, ЧЕЛОВЕК ТРАДИЦИИ*).

С точки зрения семантических признаков, заключенных во втором члене конструкции – определяющем существительном, все сочетания были разделены нами на две группы. Первую группу образуют сочетания с определениями – характеристиками внутренних свойств или поведенческих черт человека (*человек слова, дела, чести, действия* и пр.). Любопытно, что типовые транспозиционные синтаксические модели в данных словосочетаниях утрачивают свою релевантность. Транспозиции *человек, у которого есть слово, дело или честь* выявляют идиоматический характер данных структур, основанных на другой семантико-синтаксической модели: *человек, для которого честь превыше всего, ...дело превыше всего* или *верность слову превыше всего*. Если сочетания *человек ума* или *человек роста* невозможны в силу наличия в них неотторжимой характеристики, требующей атрибутивного уточнения, то лексические единицы *слово, дело, честь* и т. п. не относятся к числу имманентных

свойств человека. Напротив, в полной мере они встречаются лишь у отдельных индивидов, являясь теми основными признаками, по которым осуществляется их лингвокультурная типологизация. О том, что данные сочетания обозначают некий эталонный тип личности, косвенным образом свидетельствует тот факт, что они не способны употребляться во множественном числе (*люди долга, люди слова* и пр.). Морфологическое ограничение указывает на ограниченный круг его референтов, выделяемых из общей среды как эталонные носители атрибутируемого признака.

Усилению типологизации способствует и непривычное нахождение признака в постпозиции по отношению к определяемому (ср. *честь человека* и *человек чести*). Постановка определения в предикативную позицию способствует выражению максимальной степени выражаемого признака, который из зависимой семантической позиции переходит в статус главенствующего, детерминирующего личность человека в целом. С формальной точки зрения такой оборот соотносим с фигурой речи, эналлагой, которая переносит эпитет, определение на главное, управляющее слово в высказывании, актуализируя тем самым его значимость. Подобную семантическую переакцентуацию можно проследить в церковнославянских фразеологических единствах (*отче наш, царствие небесное, хлеб наш насущный*) или в терминологических сочетаниях (*человек разумный, люттик едкий обыкновенный*). В них постпозиционное расположение определяющего члена выполняет функцию типологизации, выделяя данный предмет среди прочих подобных на основании видового, квалифицирующего его признака.

Инверсивность конструкции предопределяет также ее предрасположенность к функционированию в синтаксически автономных структурах, прежде всего в заглавиях, в то время как присущая этим сочетаниям исключительно «позитивная оценочность обуславливает их функционирование в роли прескриптивных языковых концептов или идеологем» [9, с. 87]. Сравнительно-сопоставительное изучение способа семантической реализации данных конструкций в различных языках позволяет обнаружить ценностные ориентиры того или иного лингвокультурного сообщества (*человек чести, homme de dignité* (фр.), *człowiek honoru* (пол.), *man of success* (англ.) и др.). Таким образом, генитивные конструкции со вторым членом, обозначающим особое человеческие свойства или качества, актуализируют первый (согласно В.И. Карасику) тип ЛКТ, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса (этнокультурные типажи).

Однако существуют и примеры генитивных конструкций данного типа, которые имеют универсальный, общечеловеческий характер. Так, в условиях глобализации образ «человека успеха» (*man of success*) транслируется в различные языковые картины мира, диктуя обществу носителей принимающего языка свои собственные ценностные приоритеты, становящиеся наднациональными по мере их усвоения различными этносоциумами.

Второй тип ЛКТ (социокультурные типажи) актуализируется в модели приименного родительного падежа с существительными признакового дейксиса, под которым понимается «отсылка к носителю некоторой совокупности признаков, представляющая собой один из основных механизмов прагматической семантики» [1, с. 64]. Данные существительные указывают на принадлежность человека ко времени (*человек эпохи, человек Возрождения, дитя глобализации*), месту (*человек улицы, люди целины, дети подземелья*) или роду профессиональной деятельности (*человек шоу-бизнеса*). Отметим, что отнесение к роду профессиональной деятельности может также осуществляться на основе метонимий: *человек сцены, люди моря* и т. п. При таком типе номинации дейктическая семантика, указывающая на основной локус реализации деятельности, дополняется широким ассоциативным рядом, вызывая в сознании адресата не только референциальные отнесения к роду деятельности, но и различные представления о присущих людям данных профессий свойствах и качествах.

Для всех словосочетаний подобного типа характерно указание на выделенный признак как основу типологизации личности. Именно поэтому данные конструкции также не подвержены простейшим синтаксическим транспозициям без ущерба для смысла. Так, *человек Возрождения* — это не человек, который жил в эту эпоху, но носитель типовых черт, которые являлись знаковыми для того исторического периода; *человек сцены* — это не человек, работающий в театре, а типичный представитель театральной среды, тот, кто живет театром и полностью принадлежит ему, например *Никулин — человек цирка* (НКРЯ).

Инвариантное для данного вида синтаксической модели значение типологической характеристики личности, а также свойственный ей ассоциативный потенциал становятся основанием для ее активного использования в функции наименования различных произведений искусства. В НКРЯ находим: «*Человек чувств*» (1771), «*Человек будущего*» (1845), «*Дети подземелья*» (1885), «*Люди бездны*» (1903), «*Люди природы*» (1914), «*Человек воздуха*» (1939), «*Люди целины*» (1959), «*Люди земли и неба*» (1969), «*Люди междумирья*» (2005), «*Человек случая*» (2012) и др. Некоторые, наиболее удачные авторские номинации (*дети подземелья, человек дождя* и др.) становятся общеупотребительными и входят в состав типовых обозначений конкретных видов ЛКТ.

Таким образом, субстантивные сочетания с родительным падежом качественного определения имеют несомненный семантико-прагматический потенциал характеристики личности и представляют собой особый морфосинтаксический способ актуализации различных типов ЛКТ.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык : учебник / под ред. Н.С. Валгиной. М., 2002.

3. Гращенков П.В. Синтаксическая и семантическая типология генитива: генитив качества как носитель адъективного признака (на материале русского языка) // *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. М., 2016. С. 444–467.
4. Дубровская Е.М. «Человек богемы» в восприятии современных носителей языка // *Идеи и идеалы*. 2016. Т. 2, №1 (27). С. 39–46.
5. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи*. Волгоград, 2005. С. 5–25.
6. Леонтьев А.П. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
7. *Русская грамматика* / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
9. Шапенко Т.М. Попова С.Б. Конструкции с приименным генитивом качества как средство аксиологического маркирования // *Научный диалог*. 2019. №6. С. 87–100. doi: 10.24224/2227-1295-2019-6-87-100.
10. Heinz A. *System przypadkowy języka polskiego*. Kraków, 1965.
11. Klemensiewicz Z. *Zarys składni polskiej*. Warszawa, 1963.
12. Mirowicz A. *O grupach syntaktycznych z przydawką*. Toruń, 1949.
13. Nowak M. Tak zwane skupienia nierozzerwalne w dzisiejszej polszczyźnie pisanej // *Acta Universitatis Nicolae Copernicis, Filologia Poska*. Toruń, 1973. Zeszyt 57. S. 117–157.
14. Partee B.H., Borschev V. Sortal, relational, and functional interpretations of nouns and Russian container constructions // *Journal of Semantics*. 2012. Vol. 29. P. 445–486.

Об авторе

Софья Борисовна Попова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: sofia_popova39@mail.ru

The author

Sofya B. Popova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: sofia_popova39@mail.ru